

YOUNG ADULT THRILLER

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Андреас Гётц «Ты слышишь смерть?»

Андреас Гётц «Умри тихо, мой ангел»

Клаудиа Пульфюрст «Сёстры лжи»

Кристина Кун «Клуб понедельника.

Первая жертва»

Корина Боманн «Человек-ворон»

Корина Боманн «Лебединая смерть»

КОРИНА БОМАНН

ЧЕЛОВЕК-
ВОРОН

Freedom

Москва
2018

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Б80

Corina Bomann
Krähenmann

Original edition © 2014 Coppentrath Verlag GmbH & Co.
KG, Hafenweg 30, 48155 Münster,
Germany. Original title: Krähenmann (ISBN 978-3-649-
61676-4). All rights reserved.

Боманн, Корина.

Б80 Человек-ворон / Корина Боманн ; [пер. с нем.
В. В. Найденова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. —
(Young Adult. ТРИЛЛЕРЫ. Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-04-088627-2

Ротензанд — престижная школа-интернат, где учатся дети исключительно состоятельных родителей. Сирота Клара вытягивает счастливый билет: она весьма одаренная девушка и ей присуждают стипендию, которая подарит ей возможность получить блестящее образование. Но школа хранит множество мрачных тайн: издевательства и травля учеников, убийства. Когда начинают пропадать девушки, которых потом находят мертвыми, с пришитыми к спине черными вороньими крыльями, Клара понимает, что не сможет остаться в стороне, и решает взяться за расследование. Тем более что она то и дело получает анонимные письма, в которых ей предлагают поиграть и разгадать загадку жутких трагедий.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-088627-2

© Найденов В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ПРОЛОГ

Она проснулась, издав протяжный стон. Ошеломленно заморгала в темноте. Потом, спустя какое-то время, до нее дошло: что-то здесь не так.

«Где я? — мелькнуло у нее в голове. — И как сюда попала?»

— Эй?.. — Ее голос глухим эхом отразился от стен. Грудь сдавило. — Есть тут кто-нибудь?..

На мгновение она затаила дыхание и прислушалась. Ни звука. Тишина навалилась на нее, и она начала задыхаться. Из глаз брызнули слезы.

Но как?! Такого же просто не может быть!

Она отчаянно пыталась воспроизвести в голове события последних часов, но память решительно ее подводила. Удалось вспомнить лишь, что она, кажется, собиралась встретиться с подругой у меловой скалы. Но та, очевидно, не пришла...

А с ней-то что случилось? Как она оказалась здесь, в этом месте? В беззвучной темноте... Может, упала с велосипеда? С утеса она, во всяком случае, упасть не могла, иначе бы разбилась насмерть. Хотя

с некоторых пор высокий берег не вызывал у нее прежнего страха.

Когда она попыталась пошевелиться, то сразу поняла — по острой боли, пронзившей ее запястья и щиколотки, — что у нее крепко связаны руки и ноги. Значит, не было никакой аварии. И она не падала с велосипеда. Ее колени и локти упирались во что-то жесткое. Место, где она находилась, было каким-то маленьким и тесным, и она едва смогла поднять руки.

Внезапно во рту у нее пересохло. Хотелось позвать на помощь, но, кроме невнятного хрипа, она не смогла издать ни звука.

Кто-то запер ее здесь. Втянув живот, она ощутила во рту неприятную горечь. Она дернула руками, однако сразу же оставила попытки освободиться, потому что боль в запястьях стала еще острее. Что-то теплое стекало по ее коже. Кровь! «Безумие какое-то», — подумала она и истерически расхохоталась.

— Помогите! — крикнула она. Но в ответ снова услышала то же глухое эхо.

Страх нарастал. Во рту неприятно горчило.

Какой-то шум наверху заставил ее вздрогнуть. Она услышала скрежет камней, и на ее волосы, лоб и плечи упало несколько комьев земли, оставив грязь на потной коже. Потом словно нож крошечную тьму прорезал яркий свет. Все, что раньше было черным-черно, расплылось в белом цвете. Она прищурилась, медленно подняла веки, вздрагивая от страха перед тем, что ей предстояло увидеть.

Но, может быть, здесь находится как раз тот, кто хочет ее спасти? Тот, кто заметил ее отсутствие. В душе затеплилась надежда.

— На помощь! Вытащите меня отсюда! — вновь принялась умолять она.

Перед ней обозначились неясные очертания. Хотела вновь позвать на помощь, но голос не слушался. Она опять ощутила горечь во рту, и внезапно до нее дошло: ей не спастись. Это конец.

— Ну, птичка моя, вижу, ты не спишь? — услышала она чей-то грубый голос.

Теперь она поняла, что находится в какой-то трубе. Видимо, это была заброшенная канализационная шахта. Цемент вокруг потрескался и почернел от времени. Но на фоне этой черноты было что-то другое. Пятна красного цвета. Различных оттенков красного. От алого до красно-коричневого. «Кровь?..» — мелькнуло у нее в голове. Она хотела крикнуть, но не издала ни звука. А за чернотой, по краям дыры, смогла разглядеть кроны деревьев. Лес... Здесь никто ее не услышит.

— Хорошо, — произнес сверху мужской голос. — Тогда у тебя будет время научиться летать.

Что за бред?! Летать?! Он что же — хочет столкнуть ее с утеса?!

Она всхлипнула.

В следующее мгновение мужчина исчез из поля зрения и чем-то — судя по всему, веревкой — обвязал ее тело на уровне пояса. Веревка заскользила по бетону. Ее потянули куда-то вверх. Шея болела так, как будто петля затянулась именно на ней.

Сколько еще мгновений ей осталось прожить?..

Нет, это еще не конец, твердила она себе. У нее должен появиться шанс сбежать. Может, все-таки удастся ослабить путы. Или кто-нибудь пройдет мимо и спасет ее...

Когда она оказалась за пределами дыры, возле цементного колпака, который запирает ее тюрьму, она увидела длинный нож, в лезвии которого отражалось серое небо, а рядом с ним — что-то черное, вселявшее еще больший ужас. Она сразу поняла, что это такое. Ворона. Большая и дохлая, со свернутой шеей.

Внезапный страх отключил все ее мысли. Последняя надежда улетучилась.

И теперь все, абсолютно все потеряло смысл...

Мужчина подтащил ее к себе по выжженной солнцем траве. Потом освободил от веревки. Закричать она не могла, как бы ей этого ни хотелось. Она неотступно смотрела на мертвую ворону с остекленевшими глазами.

Скоро и твои глаза станут такими же матовыми и безжизненными. Словно стертые кнопки...

Разве это кто-то только что сказал? Нет, голос прозвучал только в ее голове. Мужчина, который перевернул ее, ничего не произнес. Она могла видеть его лицо. На нем не было маски!

Она вдруг поняла, что, наверное, похититель не оставит ее в живых. Она ведь только что увидела его и могла в любой момент узнать.

Но было и еще кое-что. Да-да, его лицо. Оно было ей знакомо!

Мужчина был не из тех недоумков, которые болтаются без дела по округе. Нет, казалось, он был здесь всегда. Словно тень прошлых лет, которую она так хотела оставить далеко позади. Но которая все-таки неотступно ее преследовала...

Теперь она готова была закричать, но на этот раз сильные руки прижали к ее губам скомканную

тряпку и запихнули ее в рот. Ее тело выгнулось, словно защищаясь от внезапного удушья. И тут же прямо в сердце вонзилось что-то острое, а внезапный страх так же внезапно исчез.

* * *

Тело под его руками обмякло. Несколько раз оно еще дернулось, а потом окончательно замерло. Устремленные в пустоту глаза девушки застыли как у куклы.

Он никогда не думал, что убивать окажется так легко. Последние несколько недель он часто представлял себе, как все произойдет. Но ему казалось, что все будет ужаснее, страшнее. К тому же он надеялся, что она продержится дольше и вытерпит больше страданий и боли. Что будет защищаться и испытает жуткие мучения. Но тогда ему пришлось бы душить ее руками или веревкой. Все это продолжалось бы довольно долго и, наверное, испортило бы его будущее произведение. Узнают ли люди о том, что он здесь устроил? С тех пор как он сам увидел ту картину, она уже не выходила у него из головы. Он долго спрашивал себя, каким способом лучше отомстить, и ни один план не пришелся ему по душе. До тех пор, пока он не увидел ту фотографию.

Он посмотрел на лежащее рядом безжизненное тело. Вероятно, он должен был уделить этому больше времени. Может, стоило более осознанно пережить сам процесс умерщвления. Но речь, конечно, шла вовсе не об удовлетворении каких-нибудь низменных, извращенных желаний. Нет, конечно. Но

на этом дело не заканчивалось. Большая часть работы ждала впереди...

Он медленно вытащил остро наточенный напильник из груди убитой. Легко отделалась, птичка, подумал он с улыбкой на лице. Она заслуживала куда более мучительной смерти. Но так или иначе — он все-таки отомстил. Может быть, не сразу, но она, вероятно, поняла это.

Прежде чем достать нож, он перевернул тело на живот. Превосходные лопатки, подумал он. Вполне годятся для того, чтобы из них могли вырасти крылья. И он приступил к завершению своего произведения...

ЧЕТВЕРГ

ГЛАВА 1

Иногда я представляла себе вещи или события такими, какими они могли быть, если бы не вмешивалась судьба.

Сегодня снова наступил один из таких моментов.

...В солнечный сентябрьский день меня сюда привезли родители. Папа помог с багажом и дал дежурное напутствие, суть которого сводилась к тому, что я уже выросла и должна вести себя прилично. Мама крепко прижала меня к себе, как маленькую (хотя мне уже исполнилось шестнадцать), поцеловала и сказала, что будет очень по мне скучать.

Но ничему этому уже не суждено было произойти...

На самом деле я в полном одиночестве стояла перед высокими воротами гимназии-интерната Ротензанд. Сюда я приехала из Заснитца. На такси. Причем большую часть своих вещей заранее отправила почтой. Хотя их у меня было не так уж много...

Собственно, весь мой багаж был невелик. Отчасти потому, что мне не очень-то хотелось вспоми-

нать о прежней жизни. Нет, сами воспоминания, конечно, никуда не денешь. Они были своего рода подпиткой для размышлений. Бесконечные раздумья зачастую оказывались бесполезными и неэффективными. Тем не менее я продолжала играть в эти игры. Таков был мой выбор, это помогало хоть как-то продержаться в одинокой и, в общем-то, беспросветной жизни.

Тележка с багажом покачивалась, когда я катила ее вдоль тротуара. Красные кирпичные стены интерната светились в сиянии послеполуденного солнца.

Раньше здесь был большой фермерский дом, а потом сиротский приют. У последнего хозяина не было ни жены, ни детей, и в качестве благотворительности он отдал дом под жилище для бедных сирот. Детей здесь селили даже во времена ГДР, а когда ГДР и сама приказала долго жить, Ротензанд превратился в элитный интернат, который был по карману только весьма состоятельным семьям.

Я не из состоятельной семьи, да и вообще никакой семьи у меня не было. Все мое богатство заключалось в стипендии, которая присуждалась особо одаренным детям. Мне очень хотелось сюда попасть, поскольку я знала, что после окончания Ротензанда мир, по сути, распахнет для меня свои двери. То, что интернат служил когда-то приютом для сирот, делало это место даже симпатичнее. После восьмилетнего проживания в обычном детском доме я сочла его для себя более подходящим.

Итак, прежде всего нужно было попасть в кабинет ректора в главном корпусе. Я тщетно пыталась отыскать его сама на плане здания в Интернете. Ученики уже потихоньку возвращались в интернат после летних каникул. Некоторые стояли во дворе и курили. Вообще-то, если верить школьным брошюрам, курить здесь не разрешалось. Но, похоже, местных нарушителей за подобные провинности никто не преследовал...

Дверь открылась легко. Какой-то мужчина как раз подметал лестницу, ведущую из холла наверх. Видимо, это был комендант, ну или кто-нибудь в этом роде.

— Простите. — Я приподняла свой чемодан над порогом, где наружу выступала плита. За все это время через нее много раз переступили тысячи ног. И наверняка кто-нибудь спотыкался.

— Гм? — проворчал мужчина, не отрываясь от своей работы.

— Скажите, а где здесь кабинет ректора?

— Прямо через холл и потом направо. Увидите.

Человек явно не был настроен давать подробные справки.

Я все же поблагодарила его и покатила свою тележку через вестибюль. Стены украшало несколько картин, довольно старых. Похоже, они висели здесь еще со времен первого владельца — на них были изображены прежние хозяева.

Чуть позже я постучала в тяжелую двустворчатую дверь, на которой золочеными буквами было написано «Ректорат». Голос, ответивший мне, показался дружелюбным. Я вошла.

Если снаружи дом выглядел несколько старым, то кабинет ректора оказался обставлен с иголочки, в ультрасовременном стиле. Письменный стол, за которым он сидел, был сделан из хрома и стекла.

— Меня зовут Клара Хансен, я должна была явиться к вам.

Мужчина в темном костюме, на вид лет за пятьдесят, уже немного поседевший, вскочил со стула.

— Клара, как замечательно, что вы уже здесь! Мы ожидали вас только вечером, но раз вы успели раньше — это даже очень хорошо.

Вечером? Неужели они думали, что я заявлюсь к ним в самый последний момент?

— Меня зовут Клаудиус Зонтхайм, я ректор этой школы.

Мужчина энергично пожал мне руку и жестом пригласил занять соседний стул. Он пристально взглянул на меня, а потом вытащил скоросшиватель. На картонной обложке крупными буквами было выведено мое имя. Целое дело? На меня завели досье! Что-то подобное я видела только в американских сериалах. В моей старой школе классный руководитель вел лишь тетрадь, в которой фиксировал провинности учеников. Все остальное заносилось в классный журнал.

— Что ж, хорошо. — Зонтхайм открыл папку. Там было еще очень много места. Сверху оказались подшитые копии моих аттестатов. — Вы ведь из Потсдама, не так ли?

— Да, — ответила я. — Знаете, поездка в душевой электричке — это просто катастрофа. Какой-то студент-попутчик решил снять кроссовки,

и мне всю дорогу пришлось нюхать его вонючие носки.

— Да уж, — усмехнулся ректор. — Но вообще это, должно быть, серьезный поворот в вашей жизни: шутка ли — переехать из города в деревню...

Потные ноги сразу растворились в глубинах моей памяти.

— Да ничего особенного, — быстро ответила я. — По сути, я ведь выросла в деревне, жила там... до аварии.

Зонтхайм выглядел озадаченным. Я добавила, что не стоит брать все это в голову. Я не ждала ни от кого сочувствия. Авария осталась далеко позади, и к тому же ректор не знал моих родителей.

— Должно быть, ваши родители гордятся, что вы этим летом начнете учиться в нашей школе.

Я кивнула. Мне не хотелось говорить о моих родителях — по крайней мере с чужим человеком.

— Я ознакомился с вашими аттестатами и остался весьма доволен. Верю, что вы справитесь и будете соответствовать нашим высоким требованиям.

У меня почему-то возникло ощущение, что в его фразе не хватало слова «однако». А потом все прояснилось...

— Но вот вашу внеклассную деятельность нужно как-то... пересмотреть. Внести, так сказать, рациональное зерно.. Мы здесь всячески содействуем налаживанию отношений между учениками. Как вы, вероятно, прочитали в наших информационных брошюрах, мы предлагаем различные занятия в свободное время. Парусный спорт, шахматы, гольф, литература, искусство... Я был бы очень рад, если бы вы присоединились к одной из групп. Уверен,